Русский курьер. – 2004. – 23 дек. – с. Т16–Т17

23.12.04

Пушкина Оксана

«Цензура нужна ради психического здоровья нации»

Не побоюсь быть банальной, но для меня свобода слова – это прежде всего ответственность за все, что произносится нами перед камерой и с экрана входит в каждый дом

– Оксана, на днях вышел в свет уже шестой том «Испытание судьбой». Расскажите, с чего все началось? Ведь сидение за письменным столом и, простите, прогулки перед камерой – это совершенно разные профессии...

– Позволю себе уточнить: мое участие в программе «Женский взгляд Оксаны Пушкиной» отнюдь не ограничивается, как вы говорите, «прогулками». Я не боюсь черновой работы. Сценарий, съемки, монтаж – все от первого до последнего кадра проходит через меня, все мои программы – как мои дети. Увы, многое в силу объективных причин просто не может втиснуться в полчаса эфирного времени. И именно потому, что мне жаль терять какие-то детали, интересные мысли моих героев, я как-то села и собрала первую книгу по следам программ. Честно говоря, я никак не ожидала, что она разойдется такими сумасшедшими тиражами. И если поначалу я, может быть, не слишком всерьез воспринимала свои книги, то теперь все отчетливей вижу: они нужны людям. Не зря ведь наша страна была самой читающей в мире, а книга у нас всегда была лучшим подарком. И вопросов по книгам на встречах мне порой задают больше, чем по программам «Женский взгляд». А если ты чувствуешь, что твоя работа востребована – вдохновение само несет тебя...

Однажды мне позвонили из Исторического музея и сказали: «Мы хотим, чтобы ваши книги и программы хранились у нас». Я стала отнекиваться: «Вот программы Парфенова – это да, а у меня маленькие частные истории...» Мне ответили: «Жизнь показала, что история страны как раз и складывается из маленьких частных историй». Конечно, такая оценка твоей работы – и награда, и стимул.

– Пока мы вас видели только в роли сочувственной телеведущей и автора книг. Наверняка мечтаете сделать что-то еще.

– Не просто мечтаю, а уже начала работать над сценарием документального детектива. Проектом заинтересовались на «Мосфильме». Хочется написать остросюжетный детектив с персонажами, легко узнаваемыми, в основе истории будет лежать мой собственный опыт «хождения по телевизионным мукам».

– Сегодня на телевидении немало пошлости и насилия. Как, на ваш взгляд, не стоит ли ввести цензуру?

– Свобода слова и цензура – понятия на первый взгляд диаметрально противоположные, однако во многих развитых странах они мирно между собой уживаются. Все дело в том, к какой свободе мы стремимся и каких ограничений опасаемся. Если нормой становится ежедневный показ убийств, насилия и потоков крови – по сути, бесконечная картина человеческих страданий на экране – то, наверное, цензура бы нашему телевидению не помешала. Хотя бы ради сохранения психического здоровья нации.

С другой стороны, понятие свободы слова для каждого журналиста, как фея из любимой детской сказки: все в нее верят, но на самом деле никто никогда ее не видел. Думаете, это вопрос только нашей страны? Поверьте: нигде нет и, мне кажется, не было и не будет абсолютной свободы.

Как бы мы ни критиковали классиков марксизма, но и они порой говорили очень правильные вещи: человек не может быть свободен от общества, в котором он творит. Особенно, если общество это вступает в кризисную, конфликтную фазу. Идет борьба. Или даже война. И тут ты либо за победу, то есть элементарное выживание страны, либо за прекраснодушные интеллигентские идеалы. Не побоюсь быть банальной, но для меня свобода слова – это прежде всего ответственность за все, что произносится нами перед камерой и с экрана входит в каждый дом. Мне всегда было очень важно сознавать, что мои истории несут в мир добро, учат людей справляться с невзгодами, а не провоцируют в них агрессию и злобу. Так было всегда. Даже когда я работала на Первом канале и все мои тексты порой беспощадно редактировались. Прятаться за начальственной спиной, как ни странно, было легче: где-то в подсознании сидела убежденность, что мои ошибки, случись что, кто-нибудь непременно исправит... А на НТВ эта проблема была решена сразу и бесповоротно: за каждое слово в своей программе отвечаю сама. Никто в мою работу никогда не вмешивается, может быть, за редчайшими исключениями, когда речь идет о первых лицах каких-то государств – и это вполне объяснимо.

– Вероятно, для «Женского взгляда» проблема цензуры действительно стоит не так остро, как, к примеру, в новостных сюжетах. А вот репортажи из «горячих точек» обсуждают на самом высоком уровне, недавно в Госдуме звучали предложения запретить показ терактов...

– Это продолжение той же темы личной ответственности журналиста и прежде всего его профессионализма. Как можно назвать репортера, который дает в эфир полную панораму происходящего за стенами, скажем, захваченного здания? Да еще и с описаниями: куда люди бегут, откуда и чем стреляют и т.д. Это просто предательство по отношению к захваченным заложникам и подсказка террористам. Зрителям, кроме паники и ужаса, подобные показы тоже ничего не дают. Еще парочка таких репортажей, и мы вполне заслуженно потеряем всякую свободу. Освещать события из «горячих точек» – особая профессия, этому надо учить.

– Что еще выглядит непрофессионально на нашем телевидении?

– Мне мешает пустословие и однообразие. Например, когда диктор в новостях анонсирует сюжет и слово в слово повторяет то, что через минуту прозвучит у корреспондента с места событий. Ну неужели некому хотя бы перефразировать информацию, если смыслового повтора не избежать? Так теряется интерес к информационным программам. Многое на телевидении определяет не что иное, как личный вкус, чувство меры, умение «мыслить деталями», незаметными постороннему глазу штрихами. Этому, к сожалению, нельзя научить. Меня потрясла программа, посвященная Валентине Леонтьевой. Легендарную телеведущую показали в халате, сзади висели какие-то грязные полотенца... Разве так можно? Если снимаете человека в беде, тем более своего коллегу, помогите сами, чем можете. Найдите спонсоров, наконец, соберите какие-то деньги. Если бы она оказалась героиней моей программы, я бы показала ее красивой даже в горе, а про проблемы, про драму с сыном постаралась бы рассказать очень осторожно, щадя чувства Валентины Михайловны.

– Зрителей же методично приучают к грязи и бытовухе. Все ток-шоу на этом построены. Кстати, вам они нравятся?

– Скорее нет, чем да. И не только потому, что для некоторых продюсеров и ведущих душевный стриптиз героев стал самоцелью. Люди часами говорят ни о чем. Многие американские ток-шоу в этом смысле выгодно отличаются от наших. Там каждый участник программы может рассчитывать на реальную поддержку. Скажем, Опра Уинфри собирает в студии женщин, в детстве ставших жертвами насильников, они рассказывают на всю страну о своих проблемах. Но при этом у Опры есть собственный медицинский центр, где героини программы впоследствии получают квалифицированную помощь. Мне близок именно такой подход. И я не понимаю некоторых своих коллег, которые смотрят на участников программы просто как на «рабочий материал».

Другой американский ведущий, Марио, как-то пригласил в студию матерей, пострадавших от кулаков собственных сыновей! Затем создатели программы отправили юных драчунов в колонию, где они в течение нескольких дней должны были прочувствовать все, что ждет их при таком подходе к жизни. Две трети «экскурсантов» вернулись домой совершенно другими людьми, пересмотрев свое отношение и к матери, и к своей собственной судьбе. Вот это реальный результат.

А у нас:. Возьмем хотя бы «Принцип домино» (НТВ) – стильная, продуманная программа, красивые ведущие. Но у героев там нет даже возможности выговориться. Собираются вместе люди, по какому-то вопросу обмениваются мнениями «за» и «против». А смысла во всем этом – ноль. Думаю, если тот или иной вопрос никогда бы не обсуждался в студии, никому в стране не было бы от этого ни жарко, ни холодно. Проблемы, поднимаемые в большинстве ток-шоу, – надуманные, искусственные, а потому, на мой взгляд, и передачи пустые. У Малахова на Первом канале, казалось бы, столько историй, но не было ни одной передачи, после которой судьба участников изменилась бы. Отработали и выбросили.

– Телевизионщики, насколько я знаю, не очень-то любят критику. Не боитесь испортить отношения с коллегами?

– Не боюсь. Во-первых, умные люди понимают, что разговор о профессии – это вовсе не повод для обид, а во-вторых, мы же тему свободы слова обсудили? Моя свобода – это ответственность за свои слова и какие-либо публичные оценки. А право любого читающего – со мной не согласиться и мое мнение просто проигнорировать. На протяжении своей профессиональной карьеры я столько раз портила отношения с людьми, что в конце концов поняла: дружить с коллегами невозможно. А может, и не нужно. Я дружу со своими героями.

– И именно благодаря дружеским отношениям они откровенничают перед телекамерами?

– Именно. Потому что с первых минут знакомства чувствуют во мне друга. Знают по всем моим предыдущим программам, что я не предам и не подведу. Мы договариваемся: вы мне подробно все рассказываете, а потом мы согласуем с вами готовую программу. Если человек о чем-то категорически не хочет рассказывать на всю страну – я всегда отношусь к этому с пониманием.

Перед каждой программой я стараюсь найти о своем будущем герое всю имеющуюся информацию, копаюсь в Интернете, узнаю о его привычках, особенностях характера. Очень важно при этом и самой быть откровенной с людьми. Люди раскрываются в ответ на твою искренность, теплоту. Первое время съемки вообще превращались в сеанс взаимной психотерапии, когда я делилась с героями своими бедами и трудностями. И зачастую получала от них поддержку! С годами работать стало легче. Есть опыт, есть репутация у программы.

трудных моментов в моей работе. Ведь и я, и Лайма понимали, что для тысяч и тысяч людей эта история могла бы стать настоящим откровением. Рядом с певицей умирали люди с гораздо менее страшными диагнозами, а она терпела, верила и боролась и в конце концов победила болезнь. Скольким женщинам этот рассказ помог бы обрести стойкость и силу духа! Я тогда на телефонные разговоры потратила всю зарплату – убеждала Андрея. И, по-моему, не зря.

– Значит, вашими героями всегда становятся только те люди, которые лично вам интересны?

– Если бы у меня было свое персональное, частное телевидение, наверное, так бы оно и было. Но когда у тебя есть работодатель, он иногда старается решить и какие-то свои, «общеканальные» творческие, политические или финансовые проблемы. Тогда появляются так называемые заказные работы. Как ни парадоксально, в ситуации этой вроде бы «несвободы» тоже можно сделать немало человеческих и творческих открытий. Однажды главный продюсер канала НТВ Александр Левин вручил мне список потенциальных героинь: деловые женщины, общественные деятели, политики. «Ротару и Пугачева – это, конечно, хорошо, но нашим зрителям нужно что-то и посерьезнее». Так состоялось мое знакомство с Еленой Бонэр, Валерией Новодворской. Не могу сказать, что эти люди мне близки. С ними я не буду распивать чаи и перезваниваться по каким-то житейским вопросам. Но, например, неординарные суждения Валерии Ильиничны подкупили меня настолько, что мы в первый же день проговорили два с половиной часа. И она вдруг призналась, что очень жалеет, что не оказалась на месте Галины Старовойтовой и не погибла вместо нее. Для меня это был как гром среди ясного неба: в одной фразе высветилась подлинная драма несостоявшейся женской судьбы. Потому что у Старовойтовой был ребенок, внук, любимый муж, «а у меня всего этого нет», – сказала моя теперь уже обожаемая героиня.

– Телеведущая, помимо содержания программы, должна еще и заботиться о внешности. Вы собой всегда довольны?

Очень важно в жизни научиться отдавать, не требуя ничего взамен, не рассчитывая на благодарность. В такие минуты чувствуешь себя по-настоящему счастливой!

– Вы часто встречаете женщин, довольных своей внешностью? То-то и оно... Всегда находишь у своего отражения в зеркале что-то, срочно нуждающееся в улучшении. Вот я так на себя смотрела-смотрела, а потом пошла в пластическую хирургию и удалила мешки под глазами. Действительно, распорядок дня сумасшедший: в десять выезжаешь на съемку, заполночь возвращаешься, иногда целую ночь просиживаешь в монтажной... Порой голова трещит от перегрузок, а остановиться нельзя. Поэтому спасение одно: утром, как бы ни было тяжело вставать, иду в фитнес-клуб. Иногда захожу туда и ночью, благо, клуб работает круглосуточно. В основном использую кардиотренажеры. Если бывает возможность – танцую, премущественно хип-хоп. Потом по порядку: в баньку, в бассейн или в холодный душ. На все обычно уходит часа полтора. Потом мчусь «укладываться» к парикмахеру. Разумеется, только к проверенным, профессиональным мастерам. По контракту я не имею права менять свой имидж. Иной раз хочется похулиганить, одеться более ярко, броско, в жизни я иногда себе это позволяю. Но в кадре я обязана быть сдержанной и консервативной.

– Некоторые наши ведущие даже в новостных программах отнюдь не так строго соблюдают границы жанра...

– Согласна. В новостях появляться с кокетливыми кудряшками и в декольтированной кофточке совершенно недопустимо. Любой стажер в той же Америке это знает как дважды два. Так же как и то, что в интервью журналист не имеет права притягивать все внимание зрителей к своей яркой внешности. Хотя в таких интервью, как, например, у Тины Канделаки (СТС), ведущая может позволить себе менять имидж. Правда, порой их так причешут, что без слез смотреть невозможно. Удивляюсь, что за недуги готовят к эфиру Яну Чурикову (Первый канал). Подчеркнули все недостатки внешности, зато по последней моде. Дизайнеры самовыражаются, а страдает зритель и репутация программы. Может, какой-то специальный факультет открыть для визажистов и теледизайнеров в киноинституте? Или хотя бы курсы повышения квалификации? Хоть сама берись и создавай что-нибудь в этом роде...

– Кроме записок на концертах, вам наверняка приходит много писем от зрителей. Вы на них отвечаете?

– Большинство моих зрителей пишут мне письма и излагают в них свои проблемы, а дальше я предпринимаю конкретные действия. За годы существования программы «Женский взгляд» мне удалось наладить надежные и действенные контакты с Госдумой РФ, куда я отсылаю крики о помощи своих зрителей. Более того, я контролирую судьбу этих обращений. Не люблю хвастаться, но именно таким образом «Женский взгляд» помог кому-то приобрести квартиры, кому-то найти денег на лечение, кого-то восстановить на работе и т.д и т.п.

Что делать? Мы ведь в ответе за тех, кого приручили! И если честно, я испытываю колоссальное удовлетворение, когда мне удается кому-то помочь. Очень важно в жизни научиться отдавать, не требуя ничего взамен, не рассчитывая на благодарность. В такие минуты чувствуешь себя по-настоящему счастливой!

– Вас частенько можно видеть в разных городах России с одной-двумя героинями. Зачем нужны эти встречи с публикой?

Истории можно рассказывать вечно, используя для этого разные жанры. В этом и заключается смысл журналистской профессии! Наше призвание – поведать людям историю страны, а она складывается из наших маленьких частных историй. Так что работы мне хватит до конца жизни! Но даже если бы я очень захотела попробовать себя в иных жанрах, то на сегодняшний день мои телевизионные начальники вряд ли были бы этому рады. В программу «Женский взгляд» реклама продается на год вперед. Какой же руководитель позволит себе экспериментировать, если у него есть стабильный и качественный продукт, пользующийся у покупателя спросом?

Но чтобы, как говорится, не свариться в собственном соку и не замкнуться в жанре «документальная мелодрама», с героинями программ я езжу по стране и встречаюсь с телезрителями. Наши творческие вечера проходят в небольших зрительных залах, рассчитанных от пятисот до полутора тысяч человек. За два с половиной часа мы успеваем погрустить, посмеяться и порассуждать о жизни. По форме это доверительная беседа, по жанру – своеобразное ток-шоу, подобного пока в эфире нет. Но я убеждена, что каждый проект должен созреть, а от добра добра не ищут.

Беседовала Алина РЕБЕЛЬ

55